

Юдит Мор

ГОРОД МАГОВ И ВОРОВ

Город магов. Фэнтези для подростков

Юдит Мор

Город магов и воров

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Мор Ю.

Город магов и воров / Ю. Мор — «Эксмо», 2025 — (Город магов. Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-253691-5

Увлекательный фэнтези-детектив для подростков! Юного карманника Кора ловит городская полиция и отправляет на аукцион. Там его покупает загадочный господин в высоком чёрном цилиндре и дорогом пальто. Так мелкий воришка становится учеником мага. Но его жизнь не становится безопаснее. Расследуя с мастером череду загадочных краж, Кор оказывается втянут в борьбу за власть над городом.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-253691-5

© Мор Ю., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	16
5	19
6	22
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юдит Мор

Город магов и воров

© 2025 by CARLSEN Verlag GmbH, Hamburg, German

First published in Germany under the title

STADT DER MAGIER UND DIEBE, by Judith Mohr

All rights reserved

© Демьянов А. А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Ули и его галльскому духу,
который пробуждает магию*

1

Врать не буду, ещё ни разу в жизни мне не было так страшно. Я будто насквозь пропах этим страхом. Впрочем, остальным было не многим лучше. И все мы думали об одном: только бы погода была хорошей, только бы пришло побольше покупателей.

Но было прохладно, и я мёрз, стоя без рубашки в одних только штанах со связанными за спиной руками. В помещении, где мы ожидали, было мрачно и пахло затхлым. Утрамбованный глиняный пол, грязные стены из серого, блестящего от сырости, грубо отёсанного камня. Скупой свет проникал через две узкие оконные прорези под самой крышей. Всякий раз, когда открывалась входная дверь, снаружи задувал холодный ветер. Для каждого из нас эта дверь открывалась только дважды. Первый раз, когда входил тюремщик и накидывал следующему в очереди петлю на шею. И второй раз, когда выводил его наружу.

Что ожидало нас снаружи, я знал только понаслышке. У нас было всего лишь две возможности, и каждая из них выпадала один-единственный раз в жизни.

Мои шансы были довольно туманны, и от этого сердце стучало в висках, а желудок болезненно сжимался.

Я был воров-карманником, который попался уже дважды. Когда вора хватают в первый раз, его бьют кнутом во дворе полицейского управления и отпускают. Со мной такое случилось год назад. Двенадцать длинных шрамов на спине зудят всякий раз, как я вспоминаю об этом. Поймав вора, полицейские перво-наперво снимают или, особо не церемонясь, срывают с него рубаху. По шрамам на спине сразу понятно, что к чему. Во второй раз вора ждало так называемое тщательное судебное разбирательство. Курам на смех! Пятерых из нас просто выволокли из камеры и под конвоем полицейских с дубинками погнали по коридорам прямо в зал суда. Это было высокое, полукруглое помещение с восходящими рядами скамеек и длинным, грубо сколоченным чёрным столом, за которым со скучающим видом сидели трое. В центре – судья в парике и длинной чёрной мантии. У него были дряблые обвисшие щёки и мешки под глазами. Парик съехал набекрень, а на мантии виднелось большое пятно. Он грыз печенье и потягивал чай, когда нас ввели. Секретарь, сидевший от него по правую руку, от души зевнул. Редким зрителям, за исключением разве что одного, мы, кажется, тоже были неинтересны.

– У всех воровство? – спросил судья комиссара полиции, возглавлявшего нашу процессию.

– Так точно, господин судья! – по всем правилам отчеканил комиссар и протянул секретарю пять документов. Наши полицейские протоколы. Несколько каракулей на дешёвой коричневатой бумаге. Судья скользнул по нам скучающим взглядом.

– Петля или аукцион, – промычал он, откусывая печенье, и ударил своим деревянным молотком по столу. И на этом всё. Секретарь тиснул печать в каждый протокол, и нас повели назад в камеру, в глубокое тёмное чрево тюрьмы. «Тщательное судебное разбирательство» заняло не больше двух минут.

Читать я не умел, но, даже не видя своего протокола с печатью, прекрасно знал, что там написано. «А/В». Есть четыре буквы, которые знает каждый вор. «П» – значит «полиция», или вóроны, как мы, воры, их называем из-за мундиров тёмно-синего цвета. «А/В» означает «аукцион или виселица», которые ожидают любого вора, попавшегося дважды. И есть ещё буква «Р». К этому мы придём чуть позже.

Когда дверь камеры приоткрылась в следующий раз, мы на мгновение услышали громкий голос: «Кто предложит больше?» – и она снова захлопнулась. Я невольно выдохнул. Значит, снаружи есть какие-то покупатели. Заключённые, которых не купили на аукционе, отправлялись напрямик на виселицу. Если на улице было ненастье и покупатели не пришли, то в петле могли закончить все, кто находился в камере. Но обычно это касалось лишь тех, кого никто не хотел брать. Я же был молод, здоров и имел хорошие шансы. А вдруг я слишком молод? От закравшегося сомнения меня бросило в пот, несмотря на жгучий холод.

Под конец в чистилище – так заключённые прозвали эту камеру ожидания – нас осталось только трое. Дверь приоткрылась, и рослый уса́тый стражник решительно подошёл ко мне. Кто-то из вошедших передал ему висельную петлю, которую он накинул мне на шею. Пришла моя очередь. Когда он потянул за грубую верёвку, петля затянулась на горле, и я, спотыкаясь, поковылял за ним наверх по ступеням в открытую дверь, прямо навстречу неотвратимой судьбе.

Оказавшись снаружи, я заморгал, дожидаясь, пока глаза привыкнут к свету. Тюремный двор был ограждён высокими стенами из серого камня, которые в лучах низкого солнца ранней осени отбрасывали длинные тени на покупателей. Колокола церкви Святого Лазаря прозвонили пять раз, и вслед за ними тихо, словно эхо, отозвались колокола других городских церквей. Кто-то мне говорил, что звук колоколов приносит умиротворение. Но для меня их металлический перезвон означал лишь одно: через несколько минут моя мелкая, жалкая жизнь радикально изменится. Или оборвётся навеки.

Я стоял на чём-то вроде небольшого деревянного помоста в блёклom свете осеннего солнца и дрожал на холодном ветру. Хотя, возможно, я трясся совсем не от холода, а от охватившей меня паники. Прямо перед помостом за небольшой конторкой находился полицейский, который, видимо, и вёл аукцион.

– Молод и здоров! – как раз прокричал он, обращаясь к собравшимся мужчинам. Их было семеро. Уже неплохо. Те, кто купил заключённых передо мной, наверняка уже ушли, а нас оставалось ещё трое. С другой стороны, обольщаться тоже не стоило. Я знал, что многие приходили на аукцион, только чтобы поглазеть на казнь. – Из него выйдет хороший, послушный и работающий раб!

Стоящий рядом со мной охранник тут же потянул за верёвку, и я, споткнувшись, сделал шаг вперёд. Кто-то из зрителей засмеялся. Я был для них товаром и клоуном в одном лице.

– Начальная цена за него – двадцать талеров, – продолжал аукционист. – Кто даст двадцать талеров?

Низкорослый мужчина с хмурым лицом вскинул руку так, что его зелёного цвета пальто задралось вверх. «Я предлагаю двадцать!» – хрипло прокричал он. Во мне проснулась надежда, что я смогу избежать виселицы, хотя, судя по виду, этот мужчина со скрипучим голосом даже отдалённо не походил на доброго хозяина. У меня свело желудок. Некоторые старые воры были твёрдо убеждены, что смерть на виселице порой лучше некоторых хозяев. Но я не хотел этому верить. Выдержав долгие недели в тёмной, душной темнице, я снова стоял на воле, вдыхая прохладный свежий воздух, и просто не мог представить, что впереди меня ждёт что-то страшнее смерти.

Справа, чуть поодаль, поднял руку ещё один покупатель в высоком чёрном цилиндре и дорогом чёрном пальто.

– Двадцать пять, – сказал он. Первый покупатель с хмурым лицом снял с головы измятую шляпу и, почесав в редких волосах, прохрипел:

– Двадцать шесть талеров!

Я видел, как представительный господин в цилиндре тоже поднял руку, но не смог разоб-
брать, что он сказал, потому что в этот момент справа раздался душераздирающий крик, от
которого у меня перехватило дыхание. Правее от помоста, где я стоял вместе со стражником,
повалил дым из жаровни, когда сильный, похожий на кузнеца мужчина в кожаном фартуке
сунул обратно в раскалённые угли клеймо с буквой «Р». «Р» означает «раб». А кричал только
что проданный с аукциона заключённый, которому выжгли метку, указывающую, кем он будет
до конца своих дней: бесправным рабом, отданным на милость своего господина. Возможно,
он целый день до изнеможения будет работать в порту или таскать тяжёлые пыльные мешки с
мукой на мельнице перед городскими воротами.

Может показаться, что разница между грузчиком и рабом не так уж и велика. Оба целый
божий день таскают ящики, мешки и прочие грузы в порту. Но портовый грузчик сам свободен
выбирать, где ему жить, с кем проводить время, с кем общаться, а с кем нет. Он может покинуть
этот проклятый город, когда захочет. А вот раб...

Я оцепенел от ужаса перед болью, которую мне предстоит испытать, но тут мой взгляд
зацепился за сооружение, располагавшееся за жаровней. В самом углу тюремного двора сто-
яла виселица. На ней взад-вперёд мерно раскачивалась одинокая скрюченная фигура. Меня
словно молнией ударило. Это был Йо. Горбатый Йо. Впрочем, горб – это громко сказано. Йо
был страшно сутул, что сразу бросалось в глаза, и его походка выглядела тяжёлой и кособокой.
Я знал его. Он тоже был членом гильдии. Поразительно искусный вор. Однако никто не захо-
тел себе такого раба, и теперь его тело качалось туда-сюда, как сухой осенний лист, пока два
стражника снимали его с виселицы.

Но долго думать о Йо не пришлось. Стражник стянул меня вниз с помоста. Мой аукцион
был закончен. Краем глаза я видел, как господин в высоком цилиндре отсчитывает аукциони-
сту золотые монеты и взамен получает какой-то документ. Городские власти Парнаса неплохо
зарабатывали на продаже таких нежелательных элементов, как мы, в рабство.

Не успел я оглянуться, как стражник толкнул меня вперёд, и я упал голым торсом на
наклонную деревянную скамью. Он так крепко прижал меня к ней, что я не мог пошевелиться.
Резкий запах ударил в нос, и меня сразу замутило. Силач в кожаном фартуке и в толстых
кожаных перчатках уже держал наготове раскалённое клеймо с буквой «Р». Он вопросительно
взглянул на моего покупателя. Тот в ответ коснулся пальцем своего предплечья. Это было
великодушно. В городе я видел множество рабов, которые носили клеймо на лбу, щеках или
шее.

Похожий на кузнеца кивнул и обернулся ко мне. Если б в желудке было хоть что-то,
меня бы непременно вырвало. Я закрыл глаза и постарался подготовиться к тому, что сейчас
произойдёт. Однако ничто не могло сдержать мой крик, когда сперва левое предплечье, а потом
и всё тело пронзила ослепляющая жгучая боль. И, как бы громко я ни кричал, я слышал, как
шипит моя кожа под раскалённым железом, и вдыхал отвратительный запах своего палёного
мяса. Всё было кончено за два удара сердца, но мне показалось, что прошла вечность.

Боль, пульсируя, разливалась от предплечья по всему телу, я даже не заметил, как страж-
ник поднял меня и подтолкнул вперёд. Мы остановились перед господином в чёрном цилин-
дре. Стражник сунул ему в руку конец моей верёвки, и мой хозяин вывел меня, как какую-то
скотину, через тюремные ворота на улицу.

2

Я был словно в тумане, рука горела, а мысли были вязкими, как мёд. Мы шли по широкой улице. Встречные прохожие не удостаивали меня даже взглядом, куда более их занимал мужчина в цилиндре и дорогой одежде. Он повёл меня вверх по улице, потом свернул в маленький неприметный переулок и, пройдя пару шагов, остановился, отпустил верёвку и обернулся.

– Давай-ка поглядим, – пробормотал он. Потом потёр друг о друга кончики пальцев и прошептал что-то, что я не разобрал. В тот же миг между его пальцами вспыхнули голубые искорки. Я невольно отпрянул назад. Мой господин оказался магом!

– Стой смирно! – приказал он. Кончики его пальцев были окутаны голубым светом, словно мерцающим слоем льда. Он медленно провёл пальцами по клейму на моём предплечье.

Должно быть, точно так же чувствует себя подкова, которую кузнец подхватывает с наковальни и опускает в ведро с водой. Мне подумалось: моя рука сейчас зашипит и от неё повалит пар. Я застонал от облегчения. Как только маг коснулся меня, по всей руке разлился приятный холод, который заглушил жгучую боль.

В первый раз я отважился взглянуть в лицо своему господину. Он был уже немолод, но ещё не стар. В уголках глаз собрались несколько маленьких морщинок, а на висках в каштановых, слегка вьющихся волосах, видневшихся из-под цилиндра, проглядывала первая редкая седина. У него было вполне доброжелательное лицо с прямым носом и чётко очерченным подбородком.

На меня он не смотрел, занятый новым волшебством. Начертав рукой в воздухе странный знак, он щёлкнул пальцами, и верёвки, стягивающие мои запястья, послушно упали на землю, словно он разрезал их на части невидимым ножом.

– Так лучше? – осведомился маг. Я кивнул как оглушённый. Что за вопрос? Это было просто чудесно. Запястья зудели, будто искусанные муравьями, но я снова мог свободно двигать руками. Машинально я попытался ощупать пальцами выжженную рану от клейма, но он быстро опередил меня, отведя мою руку в сторону. – Нет, если тронешь волшебство, оно рассеется.

Я взглянул на него. Он был рослый, широкоплечий, почти на полторы головы выше меня. Я всегда представлял себе магов иначе: меньше ростом, более изящными и подвижными.

Какое-то время маг тоже молча изучал меня, а потом спросил:

– Как тебя зовут?

– Кор, – с трудом обретя голос, прохрипел я.

– А дальше? – уточнил он.

– Дальше ничего. Просто Кор. – Там, откуда я родом, имена у всех короткие. Назвали – и забыли. Будто не имеет никакого смысла тратить на нас больше одного слога. Большинство обитателей бедных кварталов вообще дают своим детям имена лишь на третий год. Маленькие дети мрут как мухи.

Он кивнул, развернулся и двинулся в направлении, откуда мы пришли, но, пройдя четыре шага, остановился и оглянулся. «Пойдём», – сказал он. Вероятно, мне следовало бы смяться. Бегал я быстро. По крайней мере, раньше. С другой стороны, а что бы мне это дало? На моей руке была отчётливо видна буква «Р». Свежеиспечённый – или, правильнее сказать, свежесклеенный – раб один на улице? Ничем хорошим это бы не кончилось. Кроме того, мой новый хозяин был магом, и у него наверняка имелись средства и способы меня удержать. Итак, я последовал за ним. Когда мы поравнялись, он снова взял в руку мою верёвку, но, как мне показалось, довольно нехотя.

Мы так долго шли по улицам на север, что, когда наконец остановились перед окрашенным в белый цвет трёхэтажным домом, уже начинало смеркаться. Это был один из самых фешенебельных городских кварталов. Мой господин не пошёл через входную дверь, а открыл тяжёлые деревянные ворота в белой стене рядом с домом. Они радостно заскрипели, словно в знак приветствия. Мы оказались во внутреннем дворе. Справа от нас был дом. Дорогие стёкла его окон поблёскивали в свете уходящего дня. Перед домом водопроводная колонка. Слева небольшая конюшня, откуда доносилось лошадиное фырканье, а рядом я заметил маленькую хижину, где располагалась уборная. В глубине раскинулся небольшой сад, также окружённый белыми стенами высотой в два человеческих роста. Ворота за моей спиной захлопнулись, и хозяин запер их на замок. «Трёхцилиндровый, дорогой, – подумал я, слушая, как вращается ключ, – такой сразу не вскроешь». Потом хозяин подошёл ко мне, ослабил узел на моей шее и, стянув через голову петлю, небрежно отбросил её в сторону. Я вздохнул с облегчением.

Маг тщательно вымыл руки у колонки.

– Теперь ты, – сказал он, требовательно посмотрев на меня. Я сделал, как велели. Вода была холодной и освежающей. В тюрьме если нам и удавалось выпить чистой воды, то очень редко и совсем по чуть-чуть. Только сейчас я осознал, что во рту у меня пересохло, и украдкой взглянул на хозяина. Он стоял рядом и терпеливо ждал. Тогда я решился и, быстро ополоснув лицо, незаметно сглотнул несколько капель. Я выпил совсем немного, но как же это было хорошо! Маг не сказал ничего и лишь кивнул, когда я закончил. Потом сделал жест следовать за ним. Мы вошли в дом через вход со двора, прошли по коридору, миновав две двери, и поднялись по лестнице на второй этаж. Некоторые ступени тихо поскрипывали, но выглядели крепкими и надёжными. В доме, похоже, кто-то регулярно убирался. Хозяин подвёл меня к двери напротив лестницы.

– Здесь ты будешь спать, – сказал он, пропустив меня внутрь, и запер дверь.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Похоже, что окон здесь не было. Некоторое время я стоял на одном месте, силясь понять, где нахожусь, и пытаюсь справиться со страхом темноты. Маленькая комнатка, вероятно, являлась чуланом. Я понял это, услышав, как моё прерывистое дыхание тут же отражается от узких стен. С осторожностью я стал пробираться на ощупь вдоль левой стены, но, не успев сделать и двух шагов, ударился бедром о край деревянного стола. Аккуратно обойдя его, я двинулся дальше вглубь комнаты и тут же обо что-то споткнулся и едва успел выставить вперёд руки, чтобы не удариться лицом о другую стену. Я было пошёл вдоль неё, но моя нога опять за что-то зацепилась, и, потеряв равновесие, я ударился левым боком обо что-то твёрдое. Чудесный, остужающий магический лёд на моём предплечье, похоже, разбился от удара. Рана снова болезненно заныла. Каждый стук сердца гнал волну боли вверх по руке.

Стиснув зубы, я ощупал предмет, о который ударился. Это была полка или что-то подобное. Ещё через два шага я уткнулся в стену со входной дверью. Комнатка и впрямь оказалась очень маленькой.

Я уселся на пол возле двери и облокотился спиной о стену, упёршись правым плечом в ножку стеллажа. Если не обращать внимания на боль, я расположился вполне комфортно. Мне приходилось ночевать в местах и похуже. По крайней мере, здесь было сухо и не так уж

холодно. Я согнул колени, положил на них левую руку, которая будто горела огнём, и прислонился головой к деревянному стеллажу.

Я было задремал, но тут входная дверь снова отворилась. Тьма отступила под лучами света, и на пороге появился маг. Когда он зашёл внутрь, я увидел, что свет исходил не от свечи или лампы, а от золотистого светящегося шара, который парил у него над головой.

Он не сразу меня заметил.

– Что такое ты делаешь? – удивлённо спросил он.

О чём это он?

– Мне же велено здесь спать, – ответил я.

Маг изумлённо поднял брови:

– Тогда почему не взял матрас?

Матрас? Я посмотрел туда, куда он указал пальцем. В самом деле, возле стены, между столом и стеллажом, лежал узкий, но с виду довольно мягкий матрас, накрытый шерстяным одеялом. Так вот обо что я споткнулся. Какой досадный промах, что я не исследовал всё более тщательно. Мои учителя из воровской гильдии не зря упрекали меня за нерадивость. Однако я поспешил списать свою невнимательность на боль в руке и общее изнеможение.

– И даже не поел. – Маг указал рукой на стол. От одного упоминания еды у меня свело живот, а когда я увидел, какая трапеза меня ждёт, в нём тихо заурчало. Я осторожно поднялся на ноги.

– Тут было так темно, что я ничего не увидел, – пробормотал я, извиняясь.

– А почему не зажёл свет?

Теперь настала моя очередь изумляться. А каким образом, позвольте спросить, я мог это сделать?

Заметив свою оплошность, маг весело рассмеялся:

– Как глупо с моей стороны. Ты ведь и не мог.

Он сосредоточился, провёл пальцами по воздуху, и, к моему изумлению, над его рукой появился ещё один светящийся шар. Маг бережно дал ему соскользнуть в пустую миску на столе. Теперь шар парил в ней, излучая тёплый золотистый свет.

Маг вытащил из-под стола табуретку и жестом пригласил меня:

– Садись.

Я повиновался. Тем временем он внимательно меня оглядел.

– Ты всё-таки трогал свою руку, – заключил маг.

Я поморщился.

– Не совсем так. В темноте я ударился рукой о стеллаж.

– В любом случае волшебство рассеялось, и тебя снова мучает боль, так ведь, Кор? – уточнил он. Я кивнул. Почему это его интересует?

Маг поставил на стол маленький поднос, который держал в левой руке. Всё это время я как-то не обращал на него особого внимания, настолько меня захватил светящийся магический шар, не говоря уже о перспективе что-то поесть, но теперь мне стало любопытно. Я разглядел на подносе бинты, миску, полную длинных зелёных листьев, и небольшой горшочек.

Маг наклонился к моей руке, осмотрел выжженное клеймо и кивнул. Потом аккуратно взял пальцами из горшочка склизкую массу и помазал ей рану, сверху положил слой зелёных листьев, на них кусок чистой льняной ткани и умело всё забинтовал. Под конец он внимательно осмотрел повязку и снова кивнул.

Я недоверчиво следил за его действиями, не осмеливаясь пошевелиться. Когда он стал мазать рану своим снадобьем, я заранее стиснул зубы, но боли не было. Наоборот, адское жжение постепенно утихло.

– Волшебство просто остужало, – сказал маг, кивнув на повязку, – а это быстро заживит рану.

После небольшой паузы, когда я в изумлении смотрел на него, мне наконец удалось выдавить из себя нечленораздельное «спасибо».

Маг взял поднос и, уходя, ещё раз повернулся ко мне.

– Приятного аппетита, – сказал он дружелюбно.

Я снова обрёл дар речи и быстро спросил:

– А что со светящимся шаром? – В моём голосе явно слышался страх, и я в досаде прикусил губу.

Маг остановился в дверях.

– Со временем его свет ослабнет, но до утра должно хватить. Только не трогай его.

Я облегчённо выдохнул. От одной мысли, что придётся сидеть во тьме, мне становилось неуютно. Недели тюрьмы, проведённые в абсолютной темноте, давали о себе знать.

Дверь за магом захлопнулась. Ещё какое-то время я вслушивался в звук его шагов, удалявшихся по коридору, потом повернулся к еде. Мой желудок ясно давал понять, что размышлять сейчас не время.

На столе стоял кувшин свежей воды, кружка, тарелка с толстым куском хлеба, а на нём ветчина. Ветчина! Мне пришлось заставить себя жевать не так быстро. Рядом стояла ещё миска с кашей. Каша, правда, была холодной, зато с чудесным вкусом сливочного масла, мёда и какой-то неизвестной мне приправы. Я старательно выскреб миску дочиستا, а на десерт съел яблоко. Это был совсем не тот сморщенный кислый фрукт, к которому я привык, а налитой сладкий плод с аппетитными красными боками, который брызгал соком, когда я его кусал.

Матрас оказался очень удобным и был укрыт чистой льняной простыней. Лишь укутавшись в тёплое одеяло, я смог поразмыслить о событиях этого дня. Я действительно не понимал, куда меня занесло. Будучи карманником в гильдии воров, я знал большую часть Парнаса довольно хорошо. Мне встречались десятки рабов. В порту, на стройке, в кузницах, столярных мастерских и прочих ремесленных лавках. Было непохоже, что хотя бы одному из них кто-то перебинтовал рану или накормил хлебом с ветчиной. Они были последними отбросами общества, от которых отказалась даже воровская гильдия. По неписаному закону она не заботилась о ворах, попавшихся дважды. С какой стати новые хозяева должны были относиться к ним лучше? Однако же мой хозяин был со мной добр, даже дружелюбен. Это противоречило всему, что я видел и слышал раньше, и вызывало подозрение. Вор-карманник учится не только незаметно срезать кошельки. Он учится быть осторожным. Это сидит глубоко в каждом из нас. Я решил, что буду начеку и не ослаблю бдительности, и с этими мыслями заснул.

3

Я так и не понял, что разбудило меня на следующее утро. В доме царила тишина. Возможно, во мне проснулся мой воровской инстинкт, который напомнил, что нельзя беззаботно дрыхнуть в незнакомом месте.

Светящийся шар заметно уменьшился в размерах и светил слабее, но всё же достаточно ярко, и я смог заметить, что стол был прибран. Я вздрогнул. Получается, я так крепко спал, что не услышал, как кто-то заходил в комнату. Если бы Клем, наш учитель в воровской гильдии, застал хотя бы одного из нас крепко спящим, то поднял бы пинками. Для вора глубокий сон, особенно если никто не стоит на страже, может означать смерть.

Но не для меня. Давно уже я не чувствовал себя таким отдохнувшим. И к тому же я уже не был вором.

Спустя некоторое время кто-то приоткрыл дверь. Тихо и осторожно. Я, разумеется, слышал приближающиеся по коридору шаги, и уже поднялся. Маг осторожно просунул голову в комнату, словно боясь меня разбудить, но, увидев, что я стою возле матраса, решительно распахнул дверь и вошёл.

– Ах, ты уже встал? Надеюсь, тебе хорошо спалось.

Я не верил своим ушам. За всю мою жизнь ещё никто не интересовался, как мне спалось. Хотя нет. Вероятно, моя мама, когда я был совсем маленьким. Но это было так давно и казалось таким далёким, словно было не со мной, а с кем-то другим.

Не получив ответа, маг тем временем убрал ставший размером с вишенку светящийся шар, который, казалось, впитался в его ладонь, как вода в песок, и жестом пригласил меня за собой.

Он повёл меня вниз по лестнице в просторную кухню, которая располагалась слева от входной двери. Там было светло и уютно. С одной стороны стоял большой деревянный стол с четырьмя стульями. Другая часть кухни почти полностью была занята внушительных размеров плитой и духовкой. Рядом располагались узкая дверь в кладовую и каменная мойка, у которой, похоже, был даже слив в канализацию. Справа и слева вдоль стен выстроились шкафы белого цвета, в которых наверняка хранилась посуда, столовые приборы и прочие кухонные принадлежности. На шкафах стояли корзины с овощами и фруктами. Я также заметил разделочную доску, на которой лежала половина хлебного каравай и здоровенный окорок. У меня потекли слюнки.

Перед этими лакомствами, как сторожевая собака, стояла маленькая полная женщина с рыжеватыми волосами, забранными в большой узел на голове. Она мрачно смотрела на меня, воинственно скрестив руки на кружевном фартуке.

– Бабетта, – сказал маг, – это Кор.

Взгляд её холодных голубых глаз презрительно скользнул по мне и задержался на повязке на левой руке.

Маг обернулся ко мне:

– Бабетта – моя экономка и лучшая повариха во всём Парнасе.

В ответ на похвалу её взгляд на какой-то миг смягчился, а лицо приняло почти дружеское выражение, но, стоило ей взглянуть на меня, снова омрачилось.

– Я уверен, что Кор без труда справится с хорошим завтраком, – засмеявшись, продолжил маг. Но Бабетта в ответ только фыркнула, не спуская с меня глаз.

– Этот грязный...

Маг предостерегающе поднял брови. Бабетта поперхнулась нехорошим словом, которое собиралась произнести, но затем продолжила не менее дерзко:

– В любом случае он не сядет в моей кухне, пока не помоемся. Вы только посмотрите на его сальные волосы!

Я невольно провёл ладонью по волосам. В тюрьме всех стригли налысо. Не особо приятная процедура, зато лохматым я точно не был. Однако я так долго сидел в камере, что мои волосы успели отрасти на два пальца. Эта рыжая фурия была права. Кое-где волосы даже слиплись, а на затылке больше походили на колючки ежа.

Мой господин тихо вздохнул.

– Хорошо-хорошо, – согласился он. – Но после этого ты как следует забинтуешь ему руку и дашь что-нибудь поесть. – Потом обратился ко мне: – Сегодня до обеда мне нужно кое-что уладить; когда закончишь с завтраком, Бабетта скажет тебе, что ты должен делать.

Я кивнул. Он вышел из кухни. Как потерянный я остался стоять возле стола под мрачным взглядом экономки.

Через какое-то время маг крикнул из соседней комнаты:

– Готово, Бабетта. К обеду вернусь!

Потом мы слышали, как хлопнула входная дверь.

– Чего ждёшь? Пошли, – фыркнула Бабетта и прошла мимо меня, шурша платьем. Я последовал за ней. Посреди прачечной, располагавшейся напротив кухни, стояла большая медная ванна, над которой клубился пар.

– Откуда здесь горячая вода? – изумился я.

– Тупица! Конечно, он наколдовал, – объяснила Бабетта, словно речь шла о самой обыденной в мире вещи. – Ну а теперь снимай повязку, раздевайся и начнём! – строго скомандовала она.

Увидев, как я мучаюсь с повязкой, Бабетта вздохнула: «Убери руки!» Несколько умелыми движениями она быстро развязала узлы, однако льняную ткань и компресс из листьев снимала крайне осторожно.

– Листья ивы и лечебная глина, – пробормотала она. – Наверняка он оставил их наверху в своём рабочем кабинете.

Перед тем как выйти, Бабетта скомандовала мне залезть в ванну и хорошенько отмокнуть.

Сидеть в тёплой воде было на удивление приятно. От неё исходил лёгкий аромат каких-то трав и масел, и, несмотря на тепло, моя рана от ожога почти не саднила.

Через некоторое время в прачечную вернулась экономка с развевающимся на ходу фартуком. Передышка закончилась. Жёстким командным тоном мне было приказано окунуться с головой, после чего, не особо церемонясь, она хорошенько намылила мне голову и ополоснула холодной водой. Под конец она протянула мне полотенце и приказала: «Вытирайся!»

Заметив, что я стесняюсь вылезать при ней из ванны, Бабетта закатила глаза.

– Раньше я служила в доме, где было четверо мальчишек, и нет ничего, – она выразительно взглянула на меня, – чего бы я не видела.

Ну хотя бы вытереться мне было дозволено в одиночестве.

Бабетта подготовила свежую одежду, очень приличного качества, которая на удивление хорошо на мне сидела, однако рубашку отдала только после того, как отвела меня на кухню, где очень осторожно наложила повязку и забинтовала мне руку.

Теперь на мне были коричневые штаны на подтяжках и светлая рубаха. Ни разу за свою жизнь я не выглядел так хорошо.

– Спасибо! – сказал я Бабетте, но в ответ получил всё тот же суровый взгляд.

– А вот теперь ты можешь сесть за мой стол! – с видимым удовлетворением объявила она.

От меня не укрылось, как она была рада, когда мой хозяин похвалил её кулинарное искусство, поэтому я всячески нахваливал приготовленный завтрак, притом без всякого притворства, потому что он и впрямь был великолепен. Бабетта демонстративно отвернулась, но я успел заметить тень улыбки на её губах.

На этом её утренний запас доброжелательности был израсходован. В оставшееся до полудня время она заставила меня перестирать гору белья, вычерпать воду из ванны и отдраить её. Затем я убрался на конюшне и вычесал обеих лошадей – большого послушного гнедого и темпераментную рыжую кобылу. Ездить верхом я не умел, но довольно часто за пару монет помогал подковывать лошадей на кузне, ухаживал за ними на постоянных дворах и чистил стойла. Гильдии воров было всё равно, как мы добывали деньги. Честная работа не воспрещалась. К тому же она помогала оставаться незаметным и добывать важные сведения. У кого полный кошелёк денег в сумке? Кто и где собирается заключать сделку?

Я ещё немного потрепал гнедому гриву, но Бабетта уже снова звала меня. Нужно было подмести все полы на первом этаже и вымыть пол на кухне. Она и впрямь решила не давать мне передышки, а когда у меня невольно вырвалось: «Ещё и это?» – строго на меня посмотрела и едко заметила:

– У кого из нас двоих клеймо, у меня или у тебя?

Щёлк! Мне снова указали на моё место. Я мысленно пожал плечами. А что ещё я мог ожидать? Хорошая одежда точно не сделает из меня принца.

4

Мой господин, как и обещал, вернулся точно к обеду, и мы все уселись на кухне. Мне было немного не по себе. Считалось неподобающим, чтобы господин и раб ели за одним столом. Пока Бабетта накрывала на стол, я нервно перекачивал ложку между пальцами, всё быстрее и быстрее. От большого пальца к мизинцу и обратно. Потом то же самое уже левой рукой. Обычно мы использовали плоскую гальку или маленькие деревяшки. Клем считал это лучшей тренировкой для пальцев и следил, чтобы мы упражнялись как можно чаще. Можно было тренировать две руки одновременно, держа их в карманах и перекачивая в каждой мелкий камешек. Это помогало не уснуть, придавало ловкость пальцам и одновременно успокаивало.

Бац! Бабетта стукнула меня половником по руке. Ложка со звоном упала на столешницу.

– Прекрати это! – прошипела экономка. Мой господин вновь бросил на неё многозначительный взгляд.

Суп мы ели молча. Наконец маг прервал тишину.

– Что это было за упражнение? – с любопытством спросил он.

– Для ловкости пальцев, – ответил я между двумя ложками восхитительного супа.

– Полагаю, для карманников это очень важно?

Я кивнул.

– Ты был хорош? – дальше расспрашивал маг.

Но не успел я ответить, как Бабетта резко встала и забрала у нас тарелки из-под супа:

– Не подобает говорить об этом за столом!

Маг рассмеялся.

– А почему нет? Здесь все свои. Итак? – Он снова обратился ко мне.

Я немного подумал.

– В отличие от некоторых, это далось мне нелегко, – наконец сказал я. – Но я очень долго и помногу упражнялся. Как и все мы. И да, мне удалось стать хорошим воров.

– Позже обязательно покажешь, – весело сказал мой господин. Бабетта осуждающе посмотрела на него и со стуком поставила на стол тарелку, в которой дымился и изумительно пах большой кусок мяса. Стало быть, у нас будет ещё и второе блюдо. А я думал, что мы поедим только суп.

Маг поднялся и взял со стола длинный острый нож. Я невольно отпрянул назад, едва удержавшись, чтобы не вскочить. За время пребывания в гильдии я вдоволь насмотрелся и на ножи, и на то, как их применяют. Сам я использовал только короткие лезвия. А такой длинный нож, как у мага, могли носить исключительно воры избранного круга, ну или наёмные убийцы.

Я подозрительно наблюдал, как маг разрезал мясо на ровные куски, словно это был каравай хлеба, и положил мне один. Потом Бабетта доложила ещё картошки и бобов. У меня в тарелке оказалось три блюда сразу! Когда я был воров, то ел либо хлеб, либо картошку, либо суп из бобов, в редких случаях немножко мяса. Но никогда всё сразу.

– А это ещё что такое? – спросил я, показав на мясо.

– Это жаркое из самой лучшей телятины! – возмущённо ответила Бабетта. – Смотрите, он ещё привередничает!

Маг рассмеялся. У него был добрый, звучный смех.

– Не сердись, Бабетта. Думаю, Кор просто ещё ни разу не видел телячье жаркое, вот и всё.

Он объяснил мне, что такое жаркое готовится в печи. А ведь раньше я ел только мясо с шампура, жаренное на открытом огне, и ещё хорошо, если мне перепадал хотя бы маленький кусочек. Зато при этом было видно, какое животное готовят.

Потом маг, заметив, что я в замешательстве смотрю на приборы, рассказал, зачем нужна вилка, и терпеливо показал, как ей пользоваться. Это оказалось не так сложно, и, повторяя за ним, я вскоре освоился.

После обеда мой хозяин объявил, что берёт меня с собой в рабочий кабинет, но, перед тем как уйти, остановился в дверях кухни и обратился к Бабетте:

– Как всё прошло сегодня утром?

Бабетта пренебрежительно фыркнула, а потом добавила едко:

– По крайней мере, он не лентяй и не грязнуля, – и снова повернулась к плите.

«Старая ведьма!» – подумал я про себя и, поднимаясь по лестнице, вслух добавил:

– Будем считать, она меня похвалила.

В ответ впереди послышался тот же звучный смех.

Рабочий кабинет оказался именно таким, каким в моём представлении должен был выглядеть рабочий кабинет мага. В нём стоял массивный письменный стол тёмного дерева, заваленный книгами в кожаных переплётах и бумагами, на которых тут и там виднелись таинственные знаки. На полках вдоль стен стояло ещё больше книг, а также стаканы, бутылочки и разные ящички с непонятным содержимым. На первый взгляд везде царил страшный беспорядок, однако, похоже, всё здесь подчинялось какой-то внутренней логике. В любом случае моё сердце забилося сильнее, когда я увидел эти диковинные вещицы. Мне так хотелось спокойно, не торопясь взять их в руки и рассмотреть. Казалось, что тайны и секреты шепчут из каждого угла. Даже пыль, поднявшаяся, когда мы вошли, таинственно блестела в лучах солнца, падающих через большое окно.

Маг терпеливо ждал, пока я обследовал глазами комнату.

– А теперь главное правило, Кор, – серьёзно сказал он. – Я не хочу, чтобы ты заходил в эту комнату или в расположенную рядом лабораторию без меня. Ты понял?

Он пронзительно посмотрел на меня. Я кивнул.

– Двери защищены заклинанием, – настойчиво продолжал маг, – и, если ты нарушишь это правило, я тут же узнаю об этом.

Я опять кивнул, но он всё ещё продолжал выжидательно смотреть на меня, и тогда я ответил ему не менее серьёзно:

– Я всё понял, господин.

Маг снова рассмеялся:

– Не называй меня господином, по крайней мере, когда мы с тобой одни.

– Как же тогда мне к вам обращаться? – быстро спросил я.

Он задумчиво почесал подбородок.

– Хороший вопрос. Как насчёт «мастер»? Так называют нас, магов, наши ученики.

– Но я же не ваш ученик, – возразил я. Тем не менее в моей груди, несмотря на весь мой горький опыт, который научил меня не ждать от жизни ничего хорошего, затрепетала лёгкая, как бабочка, надежда.

– Да, ты не мой ученик, – сказал маг, и бабочка в моей груди замерла, – но я всё равно обучу тебя паре вещей, как только у тебя появится капелька магии. Поэтому «мастер» вполне подходит.

Это уже было кое-что.

– Итак, – он потёр руки, – теперь я хочу посмотреть, что ты умеешь.

Я был сбит с толку.

– Что вы имеете в виду, мастер? – спросил я, запнувшись на непривычном слове.

– Я имею в виду – как вор-карманник. Укради у меня что-нибудь так, чтобы я этого не заметил. – Его глаза блестели любопытством.

Я едва сдержал улыбку.

– Так просто это не делается, – объяснил я. – Любому вору, даже самому лучшему в мире, нужно сперва отвлечь ваше внимание. Кстати, что именно вы хотели, чтобы я у вас украл?

Маг задумчиво наморщил лоб.

– Можешь брать, что хочешь, но бутылки и предметы с этой полки, – он указал на высокую полку справа от письменного стола, – лучше всё же не трогать. Некоторые из них небезопасны.

Я кивнул и снова осмотрелся кругом, чувствуя на себе его любопытный взгляд.

– Что это за вещи? – спросил я, подойдя к маленькой полке под окном. Я знал, что он не будет выпускать мои пальцы из виду. По крайней мере, сначала.

Как я и предполагал, его внимание явно ослабло, стоило ему начать объяснять мне предназначение магических приборов и веществ, хранившихся в разнообразных сосудах и коробках. Мы обошли кабинет. Всякий раз маг брал с полки очередной ящичек, чтобы показать мне его содержимое. Он и сам увлёкся, однако не спускал глаз с моих рук и старался держаться от меня на некотором расстоянии. Пришлось пойти на хитрость. Я взял стеклянный шар размером с куриное яйцо и с видимым изумлением стал рассматривать его на свету, а когда клал на место, изобразил, будто он выскользнул у меня из рук. Я поймал его возле колена, тем временем маг тоже быстро нагнулся, чтобы схватить шар на лету, и мы невольно столкнулись. Мне этого оказалось достаточно. Его карманные часы постукивали в моём кулаке, как утёнок в яйце.

Когда мы закончили обходить кабинет и вновь остановились у письменного стола, маг выжидательно посмотрел на меня:

– Итак? Тебе удалось что-нибудь стащить?

Я не смог сдержать широкой улыбки и молча выложил перед ним на край стола всё, что собрал за время нашей экскурсии по кабинету: три драгоценных камня разного размера, множество монет, книгу, два маленьких кожаных мешочка, деревянный футляр и, само собой, карманные часы. Маг в изумлении поднял брови. В заключение я извлёк из рукава писчее перо, разумеется даже не замывшееся.

– Должен признать, я впечатлён, – сказал маг. – Я действительно ни разу ничего не заметил.

Я пожал плечами:

– Годы тренировок.

– Просто поразительно, – проговорил маг, убирая вещи на свои места. – Ну а теперь примемся за работу. Наверху, в лаборатории, я покажу, чем ты мне можешь помочь, Кор. – С этими словами он направился к двери.

Помощь? От меня? Словно он обращался к одному из своих коллег, а не к рабу. Перед тем как выйти в коридор, я на мгновение заколебался. Я тайком стащил ещё один предмет – узкий, длиной с ладонь нож из легированной стали – и намеревался оставить его у себя, чтобы при случае можно было хоть чем-то обороняться. Я не видел в этом ничего плохого.

– Закрой за собой дверь! – крикнул мне маг из коридора. Я взял себя в руки, положил нож обратно на полку и последовал за мастером.

5

На следующий день маг снова взял меня с собой в лабораторию. В прошлый раз он показал мне, как правильно толочь в ступке разные травы, терпеливо объяснив каждое движение, а сегодня, перед тем как мне взяться за работу, спросил: «Как твоя рана?»

Я неуверенно пожал плечами. Что я мог ответить?

– Давай-ка посмотрим, – сказал он. – А потом я наложу новый компресс. Она тебя сильно беспокоит?

Я сбросил с плеч подтяжки и стянул рубаху через голову.

– Вообще не беспокоит. Только если надавить, становится больно.

Маг жестом приказал мне сесть за большой стол посреди комнаты, взял всё, что нужно для перевязки, и уселся на стул слева от меня.

– Ничего, я буду осторожно, – пообещал он, хотя я совсем не это имел в виду, когда ответил на его вопрос.

Он действительно был очень осторожен. Аккуратно размотал бинты, снял компресс из длинных листьев, а потом попросил меня подержать руку над миской, пока смывал водой остатки лечебной глины с раны.

– Не стоит так утруждаться, – сказал я. – Это всё ерунда по сравнению с... – тут я запнулся, – ...с другими вещами.

На улицах Парнаса я рано научился не обращать внимания на боль.

Маг на секунду замер и пристально посмотрел мне прямо в глаза:

– Могу себе представить. Видел твои шрамы и синяки.

Он оглядел кровоподтёк на моём плече, который из сине-фиолетового уже стал жёлто-зелёным. Я отвёл взгляд в сторону. В тюремной камере нервы у всех были на пределе, особенно в последние дни перед аукционом. Дело часто доходило до драк, и мне не всегда удавалось их избежать.

Тем временем маг стал насухо промакивать моё клеймо куском ткани. Хотя он был осторожен, рана начала довольно сильно саднить. Но всё же я постарался не подать виду.

– Знаешь, – сказал маг, не отрываясь от моей руки, – спешка тут ни к чему. Пара-тройка минут, которые мы потеряем, действуя осторожно, погоды не сделают.

Потом он заново всё забинтовал, и я смог одеться.

– Спасибо, – сказал я и был действительно ему очень благодарен. Он лишь дружелюбно кивнул, а потом рассказал, что мне сегодня предстоит сделать.

Моя жизнь постепенно вошла в новое русло. Почти каждый день мастер брал меня с собой в лабораторию, где мы проводили долгие часы, работая вместе за большим столом. Я обычно толоч в ступке разные травы и минералы, а он смешивал всевозможные порошки и жидкости, разогревал их и разливал по сосудам. Он терпеливо объяснял мне, что я должен делать, и порой даже рассказывал о некоторых веществах. Например, из чего получается ладан

или какие свойства есть у тысячелистника. Но по большей части мы работали молча. Однако это не была гнетущая тишина. Напротив, я очень ценил эти часы, проведённые с ним в лаборатории. Моя работа была несложной и к тому же интересной, а то, как мастер сосредоточенно и одновременно увлечённо возится с различными материалами, наполняло меня чувством глубокого спокойствия. Кроме того, мне нравилось постукивание пестика в ступке, когда я измельчал различные ингредиенты. За долгие часы между нами установилось какое-то молчаливое взаимопонимание, и работа шла споро. Я был горд, что мои движения становятся всё более уверенными, и радовался, когда мастер меня хвалил.

Вечерами он отводил меня в комнату, где я спал, и каждый раз предупредительно зажигал магический светящийся шар. По утрам, проснувшись, я ждал, когда он за мной зайдёт. Но всё изменилось на четвёртый день. Вечером мне не спалось, и я из любопытства решил проверить, заперта ли моя дверь. Втайне я думал, что маг накладывает на неё заклинание, но это оказалось не так. Дверь без труда отворилась. Я тихо спустился вниз. Пока я стоял в коридоре, не решаясь пройти на кухню, из-за угла неожиданно появился маг. От испуга я вздрогнул.

– А, Кор, – приветливо сказал он. – Не спится?

– Я только хотел... – И я жестом показал, что шёл во двор. Мне показалось это самым лучшим объяснением.

– О, разумеется, – сказал он. – Давай.

К слову сказать, Бабетта была крайне требовательна к чистоте и ясно дала мне это понять, да так, что рубцы от её половника на моей руке болели до сих пор. Поэтому, посетив уборную, я основательно умылся, а когда с мокрыми ещё руками вернулся в дом, увидел, что маг меня ждал.

– Знаешь, Кор, – сказал он, – это всего лишь твоя спальня, а не темница. И, если утром ты проснёшься пораньше, можешь просто спускаться вниз.

С этого дня я сам спускался в кухню к завтраку. Маг объяснял, чем мы сегодня будем заниматься в лаборатории, и я заранее предвкушал, что проведу следующие часы в спокойствии под мягкое постукивание пестика в ступке, бульканье закипевших жидкостей и шуршание различных порошков.

Только однажды этот уют был нарушен. Я как раз разминал в ступке высушенный корень чистеца, или огненной травы, – твёрдый, ядовито-оранжевого цвета, когда мастер одёрнул меня непривычно суровым голосом:

– Будь очень осторожен с огненной травой!

– Да, мастер, – ответил я рассеянно и продолжил разминать дальше. Корень и впрямь был очень плотный и неподатливый, и я с силой надавил на него. Вдруг маленький кусочек отломился и отлетел на стол рядом с моей рукой.

Хлоп! Моя голова резко качнулась в сторону. Маг отвесил мне хорошую оплеуху. На глаза у меня невольно навернулись слёзы, и я заморгал.

Я ничего не понимал. Никогда раньше мастер меня не бил, всегда был терпелив и добродушен. Я осторожно отложил пестик и ступку в сторону и посмотрел ему прямо в лицо. Он сурово глядел на меня.

– Печёт? – спросил он. Моя левая щека действительно будто бы вся горела. Пощёчина получилась что надо.

– Это мелочь по сравнению с тем, что будет, если размолотый корень огненной травы попадёт тебе на кожу. Он прожжёт её насквозь. Никакой водой не зальёшь. Будет нестерпимо жечь несколько дней. Смотри сюда.

Маг оторвал листок у растения из глиняного горшка на окне, потом взял серебряную ложку, мелкую стеклянную миску и снял с полки возле стены пузырёк с остатками тёмно-оранжевого порошка. Он вынул стеклянную пробку и, взяв на кончик ложки немножко растёртого корня, осторожно высыпал его на листок в миске. Тут же раздалось шипение. Листок

стал коричневым и свернулся. А там, где порошка высыпалось особенно много, на мгновение вспыхнул острый язычок красного пламени. Всё произошло очень быстро и выглядело так, словно листок скрючился от боли. Я в ужасе отшатнулся.

– Теперь понятно? – спросил маг, осторожно убирая со стола использованные приборы.
Да. Теперь я всё понял.

6

В дни, когда маг сидел в своём рабочем кабинете за книгами или отлучался в город, Бабетта беспощадно гоняла меня по дому с разными заданиями, заставляла работать на конюшне или в саду. Под её суровым руководством я научился полоть сорняки, перекапывать грядки и собирать овощи. Я очень подружился с двумя лошадьми. Рыжая кобыла звалась Фламм¹ и питала большую слабость к яблокам. Изредка я подкармливал её паданцами с маленькой корявой яблони, росшей в самой глубине сада. Коричневый мерин отзывался на имя Веспер² и обожал, когда ему почёсывали лоб, на котором было пятнышко в виде белой звёздочки.

Иногда с работой вне дома мне помогал Йохан. А может, и наоборот: не он мне, а я ему помогал, всё зависит от того, как посмотреть. Йохан был очень старым и к тому же одноруким. Он заходил один раз в день и занимался любой имеющейся работой. За это его кормили и иногда давали немножко денег. До того, как я появился в доме мага, за лошадьми приходилось ухаживать ему. Он никогда этого не говорил, но, похоже, был благодарен мне за то, что теперь я вместо него взялся выгребать навоз и чистить стойла. С одной рукой ему явно было тяжело это делать. Мне он понравился с первого взгляда. Он был молчалив, но всегда встречал меня дружелюбной улыбкой.

Время от времени мастер отлучался из дома. Иногда на час, а бывало, больше чем на полдня. Порой мне приходилось седлать ему лошадь – стало быть, он выезжал куда-то за город. Во многих кварталах Парнаса улочки были настолько узкими, что ездить по ним верхом было небезопасно. Поэтому, если у него были дела в городе, он отправлялся пешком. Мастер никогда не говорил мне, где бывает и что ищет в книгах, сидя один в своём рабочем кабинете. Разумеется, это было не моего ума дело, но всё равно было немножко грустно, что он ничего не рассказывает. А мне не терпелось это узнать. Тем более что речь, похоже, шла о чём-то очень важном. Мастер всегда был крайне серьёзен, когда уходил, и ещё более серьёзен, когда возвращался.

Где-то в конце второй недели моего пребывания в доме мастера к нему пришёл посетитель. Такого раньше не случалось. Изысканно одетый господин в высоком тёмно-зелёном цилиндре постучал в дверь сразу после полудня. Бабетта, думая, что это привезли мясо, послала меня открыть. Когда вместо мясника я увидел на пороге незнакомого господина, то растерялся, не зная, что мне делать. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Господин был пониже мастера, зато явно потолще. Золотистый жилет плотно облегал его круглый живот. У него была тщательно ухоженная борода, а из-под необычного цилиндра выби-

¹ Фламм (нем. *Flamm*) – в переводе с нижненемецкого пламя.

² Веспер – древнеримское название планеты Венера, которую также называют Вечерней звездой.

вались растрёпанные чёрные волосы. С виду его можно было бы принять за богатого эксцентричного весельчака, если бы не его аура, которая, как и у моего мастера, сразу внушала благоговение. Он доброжелательно смотрел на меня. В его маленьких тёмных глазах читался ум.

– Ты, стало быть, и есть тот самый мальчуган, – сказал он неожиданно писклявым голосом. Меня осенило, что передо мной, должно быть, коллега мастера. Я распахнул дверь и, неловко поклонившись, пустил его в дом.

– Мой господин у себя наверху, я сейчас его позову, – пробормотал я и уже хотел броситься вверх по лестнице, но незнакомец меня остановил.

– Не стоит, – хрипло сказал он. – Йонатан меня уже ждёт.

Недолго думая, он двинулся вперёд, оставив после себя лёгкий аромат лимона, и, пытаясь, стал взбираться по ступеням. Посреди лестницы его встретил мастер, который сбежал вниз легко и без одышки.

– Ах, Корнелиус! – воскликнул он. – А я ждал тебя только через полчаса. Потом он заметил меня, всё ещё стоявшего внизу и с удивлением смотревшего вслед незнакомому магу.

– Тебя Кор впустил?

– Ты имеешь в виду мальчишку? – И маг по имени Корнелиус хихикнул. – Да, но он, очевидно, меньше всего на свете ожидал меня увидеть.

Вместе они скрылись в рабочем кабинете мастера.

Я прошёл на кухню к Бабетте. Она недовольно нахмурилась:

– Куда ты подевал мясо?

– Это был не мясник, – объяснил я, – а знакомый мастера. Маленький толстый человечек с писклявым голоском.

Бабетта с упрёком взглянула не меня:

– Это был господин Корнелиус Функельштайн, один из членов магического кружка. И не смей называть его толстым или подшучивать над его голосом!

И она пригрозила мне половником.

Потом принялась деловито кипятить чай и, положив печенье в миску, прикрыла её салфеткой.

– Он назвал мастера Йонатаном, – заметил я.

Бабетта меня перебила:

– А почему нет? Его и зовут Йонатан. Йонатан Барнаби Фоссель.

Я впервые услышал полное имя моего мастера и накрепко его запомнил.

– Я имел в виду другое, – объяснил я Бабетте. – Они что, друзья?

Бабетта на секунду прекратила хлопотать.

– Не понимаю, каким боком это тебя касается, но да, они друзья.

Помимо чайника и миски с печеньем она поставила на поднос чашки и молочник и сунула поднос мне в руки.

– Будь-ка лучше полезным, а не любопытным, – грубо сказала она. – Обязательно постучи и не смей входить, пока не услышишь «войдите».

Как будто я сам этого не знал!

Дверь в рабочий кабинет была чуточку приоткрыта. Я совсем не собирался подслушивать, но, пока удерживал поднос на одной руке, чтобы постучать свободной рукой в дверь, услышал короткий, но крайне интересный отрывок разговора.

– Стало быть, ещё один случай? – спросил мастер.

– О да, в Восточном квартале. На этот раз огненная трава, – ответил ему Функельштайн.

– Тот же почерк? – уточнил мастер.

Его коллега вздохнул:

– Точь-в-точь. Теперь, к сожалению, понятно, зачем ограбили Сорбета. Боюсь, что здесь прямая связь.

Мастер застонал:

– Ты имеешь в виду, что это случилось из-за серы и...

Мой стук в дверь заставил их резко оборвать беседу. Пару мгновений было тихо, потом из кабинета послышалось: «Войдите!» Я вошёл и стал торопливо сервировать столик, заметив, что маги были не особо рады моему появлению и ждали, когда я уйду, чтобы продолжить разговор.

Со словами: «Спасибо, Кор, закрой за собой дверь», – мастер меня отпустил. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы не остаться тайком подслушивать под дверью. Хотя я услышал совсем немного, это заставило меня насторожиться. Огненная трава! Та самая страшно опасная вещь, из-за которой мастер влепил мне пощёчину. Мне очень хотелось знать, что это был за «ещё один случай» и при чём здесь сера и ограбление, но я понял, что в настоящий момент больше ничего не выясню. А значит, придётся делать то, чему я хорошо научился, будучи вором: наблюдать, наблюдать и ещё раз наблюдать. А потом делать выводы.

7

Уже через несколько дней мне представилась отличная возможность понаблюдать, более того, мой мастер сам мне это поручил.

– Сегодня вечером я буду принимать в доме членов магического круга, – начал он разговор за завтраком. Бабетта, похоже, об этом уже знала. Последние два дня старая фурия стряпала и пекла с особым усердием и до того воодушевилась, что даже мне перепало два карамельных пирожных, которые она сочла неудавшимися. Незабываемое кремовое наслаждение.

– Я хочу, чтобы ты разносил напитки, разливал их по стаканам и так далее, – продолжил мастер и посмотрел на меня.

Я кивнул:

– На что мне стоит обратить особое внимание?

Бабетта издала звук, какой обычно издавала Фламм, почуяв яблоки.

– На всё! Ты не должен ничего проливать, должен быть внимательным, но ненавязчивым. Говорить, только когда тебя спросят, и держаться как можно более незаметно, а к господину Фосселю обращаться не иначе как «господин»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.